

A painting of a child's face, looking directly at the viewer. The face is pale with a warm, yellowish-orange glow. The eyes are large and brown. A butterfly with dark wings and orange spots is positioned in front of the child's mouth. The background is dark and textured, with some visible brushstrokes.

Светлана Мерцалова

**Когда бабочке
обрывают
крылья...**

Светлана Мерцалова

**Когда бабочке
обрывают крылья...**

«Accent Graphics communications»

2011

Мерцалова С.

Когда бабочке обрывают крылья... / С. Мерцалова — «Accent Graphics communications», 2011

Главная героиня из-за своей внешности страдала и в школе, и дома. В школе – от издевательств одноклассников, а дома – от равнодушия матери, которая не смогла смириться с уродством дочери. В офисе, где она работает, все сотрудницы травят ее, пытаясь извести. Интрига в офисе стремительно набирает обороты, в нее уже вовлечены все. От ежедневных унижений главная героиня решается на отчаянный поступок – уничтожить одну из бабочек. И это ей удастся... История преступления, порожденная созвучием страстей. История любви, несущая смерть.

© Мерцалова С., 2011

© Accent Graphics
communications, 2011

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Светлана Мерцалова

Когда бабочке обрывают крылья...

Часть 1

Когда красавицы на экране рекламируют шампунь, я переключаю на другой канал. Ненавижу их ослепительную красоту – мне хочется всех разорвать, растоптать, уничтожить...

С детства не люблю красивых людей, животных, цветы, а обожаю змей, пауков, жаб. Все потому, что я сама – жаба.

Я настолько уродлива, что увидев меня, многие лишаются дара речи...

В моем доме нет зеркал. Ненавижу эту безжалостную и неподкупную амальгаму. Зеркало – мой злейший враг, в нем я вижу себя без прикрас: плотное тело с кривыми ногами, тяжелая челюсть, лицо с оспинами, оставшимися после угревой сыпи.

Какой идиот придумал: «не родись красивой»? Побывать бы ему в моей шкуре...

Часто задаю себе вопрос: почему бог обделил меня? За что я прогневила его, будучи еще в утробе матери?

От того, что жизнь несправедливо обошлась со мной, я стала упрямой, скрытной, мстительной...

В детстве любила ловить бабочек и обрывать им крылья. Чем красивее бабочка, тем сильнее было наслаждение. Я не трогала блеклых ночных мотыльков, а лишь больших и ярких бабочек. Однажды поймала махаона: он бился у меня в руках, а я стирала с него пыльцу. И лишь когда он почти перестал трепыхать бледными лохматыми крыльями, я отпустила его. Я уничтожила эту неземную красоту! Ощущение было удивительное – сродни эйфории!

И чувствуя боль махаона, я ликовала. Тебе больно? Вот и прекрасно! Я тоже постоянно испытываю боль, ежеминутную боль от сознания своего уродства. Теперь ты поймешь, что значит быть уродливым. Мне дают это понять окружающие, не заботясь о том, что я чувствую...

Мир жесток даже к тем, кто нормален, но если ты увечен, то будешь навсегда пригвожден к позорному столбу: над тобой насмеются, делают изгоем... Кто-нибудь жил с таким грузом?

Еще в детстве... Как я ненавидела свое детство! Лучшая пора жизни была осквернена и оплевана, только ленивый не издевался надо мной. Дети ранимы и доверчивы, я тоже была такой, но все вокруг лишь причиняли мне боль.

Классная, отчитывая меня, добавляла:

– Тебе нужно учиться хорошо, как никому другому! – при этом многозначительно смотрела.

Мать так стеснялась моего уродства, что старалась не появляться со мной на людях. В детстве я и не знала о том, что существуют парки, цирки, детские утренники...

Хуже всех были сердобольные соседки, что шептались за спиной:

– Надо же было такой уродиться! И кто такую страшненькую замуж возьмет?

Их жалостливые взгляды угнетали меня, я еле сдерживалась, чтобы не сорваться. Не нужно ваше сочувствие! И без того тошно! Жалость соседок раздражала больше, чем цинизм классной и равнодушие матери – те хоть не прикидывались...

А что вытворяли сверстники?!

Дети жестоки, они могут больно ранить, и глазом не моргнуть. Я была объектом постоянных насмешек – вечная неудачница...

Когда в классе происходила грызня, а учитель искал виновного, то все показывали в мою сторону, словно сговорившись.

Мне ставили подножки, когда я шла к доске, в лицо кидали меловую тряпку, прятали портфель... Чурались, как прокаженной, избегая моих прикосновений. Разделить со мной парту считалось западло, и все школьные годы я сидела одна.

Когда учитель говорил: «Всем взяться за руки и – шагом марш в столовую», то вокруг меня образовывалась пустота. Кто захочет общаться с таким несуразным существом?

Я не реагировала, и меня оставили в покое. Большого и не было нужно. Воздвигнув стену одиночества, я стала скрываться ото всех за железной дверью с резными замками...

Замки – моя страсть. Не просто замки, а мощные – сувальдные, цилиндровые, почти сейфовые. Лишь за такими замками я чувствую себя защищенной от людской ненависти.

Мать смеется:

– Что у тебя такого ценного? Кроме драного кота и воровать-то нечего!

Со мной живет кот – старый, с разодранным носом. Злобный, как я. По этой причине мы и уживаемся.

– Под стать тебе, – добавляет мать.

Как не подпустить шпильку!

Мне часто так паршиво, что единственный способ прогнать тоску – жрать, жрать и жрать... Поэтому с каждым годом я все страшнее и страшнее – толстая, прыщавая.

Отца у меня нет. То ли его не было с самого начала, то ли он бесследно исчез, увидев мое уродство.

С ранних лет я задавала вопрос: почему у меня нет папы? На что всегда получала один и тот же ответ: подрастешь – узнаешь... Но так до сих пор не узнала. Став постарше, я спрашивала: на кого я похожа? В кого я такая уродина? На что мать с завидным постоянством отвечала: не твое дело... Не понятно – почему это не мое дело? А чье же? Соседки тети Маши?

За годы существования у меня накопилось немало вопросов. Почему природа, ни дав нормальной внешности, не наградила меня каким-нибудь даром? Ни голоса, ни математического таланта, ни способностей к языкам.

Я – среднестатистическая серость, но у меня усидчивый зад, и я не трачу рабочее время на перекуры и сплетни. За что меня и любит начальство.

По правде сказать, в нашем офисе не принято работать. Все молодые сотрудницы целый день болтают, обсуждают сериалы, селебрити, висят в соцсетях.

На меня они смотрят с отвращением, и своими ядовитыми языками разбирают мое уродство на составные. Издевкам и насмешкам нет конца. Они обсуждают меня, не считаясь с моим присутствием, нисколько не заботясь о том, что я могу их услышать.

Я держусь в стороне, общаюсь лишь с Верой Павловной – нашим бухгалтером, но и она меня с трудом терпит. Сейчас ей полтинник, и она завяла, но было время, когда и Павловна цвела. А я, и в своем цветущем возрасте не сумела расцвести.

Напротив меня сидит Оленька. Ненавижу ее! Все потому, что она слишком красива. Почему такая несправедливость? Ей досталась изысканная, волнующая красота, а мне – одно уродство. Когда я вижу ее, то у меня появляется желание «стереть с нее пылцу», как с того махаона.

Оленька знает себе цену – ей кажется естественным, что все вокруг стараются исполнить ее прихоти. Но это не делает Оленьку счастливой. Напротив, она чувствует себя несчастной, так как карьера модели ей не светит – росточка не хватило, и в актриски ее тоже не взяли, хоть она и делала попытку.

Оленька зла на весь свет! Как же иначе? Ведь ей была обещана сказочная жизнь, раз природа наградила ее такой красотой, но ничего не вышло – лишь скучная работа в заурядном офисе. Какая несправедливость!

Она критикует всех знаменитостей, никому не сравниться с ней, – это и дураку понятно! Только звезды сверкают на экране и не сходят с обложек журналов, а она сидит с нами, простыми смертными, целый день занимаясь скучнейшей работой.

Оленька завистлива и лжива, мы с ней во многом схожи, но никто не поверит этому. Такой уродине, как я, люди приписывают все грехи, а у такого ангела, как Оленька, просто не может быть пороков. Обиды, разочарования, зависть еще не успели наложить отпечаток на ее прекрасное личико, но однажды это произойдет – никуда от этого не денешься...

Ко мне она относится с каким-то насмешливым снисхождением, чем жутко раздражает. Внешне я не реагирую: сижу как египетский сфинкс – невозмутима и спокойна.

У Оленьки астма. Когда она волнуется, то достает ингалятор и прыскает себе в горло. Без своего бронхолитика она и дня прожить не может, но это не мешает ей ежедневно выходить на перекур с тонкими манерными сигаретками.

У окна сидит Инга – та меня просто не замечает. Когда разговор заходит обо мне, она с удивлением смотрит в мою сторону – это на самом деле нечто живое, или лишь уродливое пятно на стене?

Стол с ней делит Наташа. Такую стерву еще поискать нужно, но она и не скрывает этого! Разговаривая со мной, она презрительно кривит рот, насмешливо усмехается. Сама она страшенькая, закомплексованная, несуразная, но до меня ей далеко. Думаю, что в школе ей пришлось несладко, и, боясь стать изгоем, она заведомо приняла роль палача. Наташа третировала меня больше остальных и через мое унижение чувствует себя сильнее.

Сотрудницы целыми днями пишут смс, болтают, ходят на перекур, и из-за этого у них куча проблем. Пару раз в неделю появляется разъяренный шеф и, брызгая слюной, кричит:

– Это никуда не годится! Все отчеты полны ошибок! Я не могу за вами переделывать работу! Когда я просил вас закончить?

– Вчера, – подает голос Наташа.

– Да, но вы на сутки позже сдали работу. Я закрыл и на это глаза, хотя был должен отчитать вас! Где благодарность? Другой начальник давно бы вас уволил! Сколько потребуется времени, чтобы отследить и исправить ошибки?

– Несколько дней, – неуверенно мямлит Оленька.

– Никаких «несколько»! Завтра вечером, чтобы все было готово!

– Это невозможно, – протестует Инга.

– Возможно! Вот она, – кивает шеф в мою сторону. – Сдала работу вчера и без ошибок! Чтобы все было выполнено в срок! Подробности меня не интересуют!

С какой ненавистью все три фурии смотрят на меня. Я сижу молча, уставившись в компьютер.

– Страшилке ничего не остается делать, кроме как работать. Будь я такой, тоже вкалывала бы по-стахановски, – шипит Оленька.

– Дожили, – поморщилась Наташа. – В пример нам ставят юродивых...

От услышанного у меня защемило в глазах. Сижу, не шелохнувшись, делая вид, что ничего не слышала, но внутри у меня такое... я на пределе, еще слово и...

Это сравнимо с пружиной. Можно сжать ее пальцем до отказа, но когда отпустишь, то она выстрелит аж до потолка. Чем крепче ты ее сожмешь, тем сильнее она ударит тебя...

Зачем они оскорбляют меня? Я страшная, конечно, но не глухая. И не бесчувственное огородное пугало. Почему люди не боятся обижать других, ведь все может вернуться бумерангом к ним? Даже самый забитый человек может однажды взбунтоваться и, распрямившись, выстрелить до потолка, как та пружина.

Тут они замолчали, чувствуя, что перегнули палку.

Каждый час они выходят на пожарную лестницу перекурить, все, кроме Павловны. У нее целый букет болезней от гипертонии до диабета. Раз в неделю она отпрашивается в поликлинику. Когда Павловна уходит, я подкрадываюсь к двери на лестницу и подслушиваю разговоры. Сегодня после ее ухода, я так и сделала.

Голос Наташи:

– Наш офис был бы приятным местом, если б не эта юродивая.

– Всегда молчит, но мне кажется, что с головкой у нее не все в порядке, – голос Инги.

– Я ее боюсь, – добавляет Оленька. – Когда она смотрит на меня, в глазах у нее столько ненависти.

Ты права, радость моя! Я тебя ненавижу, но не ожидала, что это так заметно. Тебе, красавица, неуютно под моим взглядом? Это радует, ведь и мне хочется праздника.

Слышу скрип – кто-то открыл дверь на улицу, чтобы не задохнуться от дыма. Я неслышно подхожу к окну и открываю его. От сквозняка дверь с шумом захлопывается, что-то с грохотом падает на пол. От неожиданности эти курицы орут, как резанные. Закрываю окно и бегом на свое место.

Они заходят тихие, взъерошенные, внимательно смотрят на меня. Я сижу с таким видом, будто и не вставала с кресла. Переглядываясь, они тихо усаживаются на свои места, принимают за работу.

– Ну и дела, – выдыхает Оленька и, достав бронхолитик, прыскает себе в рот.

Утром шеф зашел к нам, но не один:

– Познакомьтесь. Это – Денис. Как я и обещал на прошлой неделе, он установит нам новую компьютерную программу. Надеюсь, что с ней мы будем трудиться продуктивнее. После установки Денис вам покажет, как с ней работать. Есть вопросы?

– К вам нет, а к Денису, я думаю, мы еще не раз обратимся, – кокетливо прищурясь, ответила Инга.

Девушки вдруг стали томными: плечи у них распрямились, глаза и губы увлажнились.

Денис начал с меня, так как стоял рядом с моим рабочим местом. Как только он сел, я поняла, что пропала.

Как я благодарна своей выдержке! Постоянные насмешки закалили меня, я научилась натягивать маску безразличия, не выдавая своих истинных чувств.

Пока Денис устанавливал программу, я разглядывала его профиль. Когда же он повернулся, то у меня перехватило дыхание. Встретившись с ним взглядом, я была, словно пригвождена к стулу, не в силах пошевелиться. Не поняв того, что он объяснял, я извинилась. Денис не рассердился, а терпеливо повторил еще раз. Он был одним из немногих, кто разговаривал со мной, как с нормальной, не отводя взгляда и не усмехаясь снисходительно.

Чтобы мне было понятнее, он решил воспользоваться ручкой, как указкой, и, потянувшись за ней, коснулся моего плеча. Все мельчайшие волоски на моем теле встали дыбом, пульс участился, и я ощутила боль внизу живота. Это было впервые.

Оказывается, и у таких уродов, как я, возникает желание плоти.

С этого момента у меня началась новая жизнь. Я влюбилась, как ни банально это звучит.

Вам, конечно, смешно, и, если честно, я сама этого не ожидала.

Никогда так остро я не ощущала своего уродства, никогда моя горькая участь не была настолько горькой. Ни на что не надеясь, я могла лишь тайне любить его...

Но влюбилась в него, как оказалось, не только я...

* * *

Уже девять, но никто еще не приступал к работе – все копались в своих косметичках. Я же задыхалась от запаха духов и лака для волос.

Оленька еще раз оглядела себя в зеркало и осталась довольна своим отражением. Ее платье было таким легким, что сквозь ткань просматривалась точеная линия ног.

На Инге блекло-голубой костюм – она словно сошла с картин Моне. Даже эта кобыла Наташа сегодня оделась к лицу. Бедный Денис! Что его ждет?

Денис зашел в офис, и девицы замолкли. Смутившись, он направился в сторону Оленьки. Словно не веря своим глазам, он уставился на нее. От его восхищенного взгляда блузка Оленьки натянулась на груди, глазки подернулись поволокой, а в голосе появились придыхания. Не стесняясь, она принялась кокетничать. Удивительно, но даже это не портило ее. Нужно быть идеально красивой, чтобы не казаться смешной в подобной ситуации.

Я вся превратилась в слух. Мне впервые было интересно – о чем можно шептаться битых сорок минут, ведь не о компьютерной программе? Чему он смеется? Что такого смешного Оленька могла ему рассказать?

На мгновение я почувствовала звериную ненависть к ней, даже сама испугалась. Такие девушки, как Оленька, обычно берут себе самое лучшее, не напрягаясь. Все само плывет к ним в руки. Представив себя рядом с ней – коренастую, с лягушачьим ртом, оспинами на щеках, – я испытала горечь зависти. В эту секунду я, наверное, позеленела.

Тут Оленька окинула меня наглым взглядом, словно прочитала мои мысли.

Сегодня я не плелась домой, как обычно, а летела. Чувства переполняли меня, и все вокруг казалось мне симпатичным. Даже солнце светило ярче. Спустившись в переход, я прислушалась – уличный музыкант играл на скрипке. От нежных звуков защемило сердце, и захотелось плакать. Музыка была похожа на ту мечту, что всегда красива, но никогда не сбывается...

Захотелось с кем-нибудь поговорить, спросить совета. Сегодня я ненавидела свое одиночество, но у меня нет подруг, и я впервые пожалела об этом. Лишь к одному человеку я могу зайти – к матери.

Между нами никогда не было нежных отношений, душевной близости и тех невидимых нитей, что связывают мать и дочь. Но сейчас мне хотелось увидеть ее и поговорить – как дочь с матерью. Виной тому – моя влюбленность.

Интересно, что из этого получится?

Мать все детство стеснялась меня, стараясь со мной вместе не показываться. Случалось, что на улице нам встречались знакомые, – мать терялась, видимо, мечтая провалиться сквозь землю, и быстро прощалась. После этого словно дьявол вселялся в нее. Она говорила обидные вещи, ругала меня по понятным ей одной причинам, сетовала на то, что я маленькой не умерла.

– Всем было бы легче: и тебе, и мне. Какая жизнь ждет тебя, ты хоть понимаешь? – спрашивала она, оправдываясь передо мной. – Все гордятся своими детьми, одна я должна стесняться.

Я молчала, не зная, что возразить. В те минуты мне на самом деле хотелось умереть. Как жить дальше, если даже мама, родной человек, стесняется и не любит тебя?

Мать все реже и реже выходила со мной на улицу. Собираясь в театр, она оправдывала себя:

– Вряд ли тебе будет интересно.

Она стояла передо мной, как на подиуме – подтянутая, элегантная, благоухающая французскими духами, этим еще больше подчеркивая пропасть между нами. Как я ненавидела ее в тот момент!

После ухода матери я рвала на себе волосы и рыдала до полного изнеможения. Когда все слезы бывали выплаканы, я умывала лицо холодной водой и ждала мать. Та приходила такая счастливая, что я лишь молча завидовала.

Красивой мать не назовешь, но она ощущает себя красавицей, что намного важнее. Девиз моей матери: поверь в свою неотразимость, тогда в нее поверят все остальные.

Но это не про меня, если я начну вести себя как первая красавица, то в скором времени окажусь в дурке.

Мать излучала столько чувственности и одевалась так элегантно, что не могла ни нравиться. Всю жизнь она занималась только собой и тратила деньги лишь на себя. Мне она покупала самые дешевые вещи, оправдываясь при этом:

– Какая тебе разница? Все равно уже ничего не поможет.

Новые дорогие туфли на ее стройных ногах становились еще красивее, а моя обувь выглядела словно ортопедическая.

Мне тяжело жилось с матерью. Устроившись на работу, я сообщила ей об этом.

– Если хочешь, то мы найдем тебе квартиру, – согласилась она. – Я помогу платить. Думаю, что тебе будет полезно пожить одной. Оторвешься от мамки, станешь самостоятельной.

Я согласилась, но все вранье, что мне нужно оторваться от мамки. Никогда к ней я не была привязана. Насчет же моей самостоятельности, так я с десяти лет могла подогреть себе еду, поджарить яичницу, а в пятнадцать уже готовила обед. Не хвастаясь, скажу, даже лучше матери.

* * *

Мать лежала на диване с книжкой в одной руке и надкусанным яблоком – в другой. Она постоянно сидела на диетах, и в свои сорок с небольшим была еще очень привлекательной женщиной. Она так тщательно следила за собой, что все в ней было идеально: и изнеженное лицо, и пышные волосы, и руки, мягкие, в ямочках.

Увидев ее, я даже зашлась от злости: она что, нарочно дразнит меня своим холеным видом?

Поэтому и начала без предисловий:

– Мама, как у вас с отцом все начиналось? Мать внимательно посмотрела на меня, прищурившись:

– Что? Влюбилась? – догадалась она. Я опустила глаза.

– Надо же, какая неприятность! – поморщилась мать.

– Почему неприятность?

Мать замялась на секунду, поняв, что не права и, улыбнувшись, попросила:

– Расскажи о нем.

– Он... такой, – зажмурилась, произнесла я. – Он такой красивый!

– Горюшко мое, а попроще ты не могла выбрать? – заохала мать, уточнив, – Под стать себе.

– Такого же уроды? – спросила я резким голосом. – И кто будут наши дети? Франкенштейны?

– Какие дети? Вы что, уже?

– Нет, не уже. Он пока ничего не знает...

– Милая, твой красавец, – мать запнулась, – он обращает на тебя внимание?

– Нет, пока нет.

– Ясно. И все же ты надеешься, что в один прекрасный день это произойдет? – тут мать совсем запуталась.

– Даже и не надеюсь.

– Зачем ты завела этот разговор? Какие дети? – удивилась мать.

– Не знаю. Хотелось выговориться – только и всего. Могу я с родной матерью поговорить на такую тему?

– Да, конечно, – смущенно закивала мать. – На то я и мать.

– Мама, любят только красивых?

– Как тебе сказать? Мужчины говорят, что любят женщину за ее душу, но почему-то душу они находят только у красавиц, – снисходительно ответила она.

Терпеть не могу, когда со мной разговаривают таким тоном!

Я разозлилась:

– За что они тебя любят? Ты же не красавица – с точки зрения классических канонов красоты!

Вот этого мне не следовало говорить!

– Плевать мне на все каноны! – сдвинула брови мать. – И кто это сказал? Ты?!

Это была запретная тема – сомневаться в красоте матери, равносильно тому, что разворачивать красную тряпку перед быком. Но мне вдруг захотелось скандала. Казалось, что вся та злоба, что копилась во мне годами вдруг прорвалась, как чирей, стоит на него лишь нажать. Мне нужно было на кого-нибудь выплеснуть все мои обиды, ненависть и злость. Под рукой оказалась мать – не повезло ей.

– Неужели я не могу сказать то, что думаю? – спросила я резко, и тут меня понесло. – Тебе и в молодости до «мисс вселенной» было далеко, а уж сегодня. Сегодня ты лишь стареющая тетка перед климаксом.

Мать от этих слов вдруг вся поникла, морщины пролегли от крыльев носа и между бровей, что сразу выдало ее истинный возраст. Мне не стало ее жаль, а наоборот – захотелось сделать еще больнее:

– Когда ты злишься, то у тебя морщины появляются вот тут и тут, – заботливо сказала я, показывая пальцем. – Ты сейчас вся как-то сморщилась, пожухла, – добавила я, наслаждаясь ее реакцией.

Мать охнула и принялась похлопывать себя по переносице. Ведь для нее каждая новая морщина – конец света.

– Ты пришла сюда, чтобы позлить меня? Ты, которая палец о палец не ударила для того, чтобы улучшить свою внешность. Жрешь, как проклятая! Такое брюхо, будто на пятом месяце беременности. Поздно – все так запущено, что уже ничем не поможешь. Такой уродиной уродилась и ничего не делаешь, только плачешься: я бедная, я несчастная.

– Я не уродилась! – закричала я. – Это ты меня уродила, да всю жизнь только унижала и стеснялась меня!

– Вали на меня! Я во всем виновата!

– Ты же не можешь говорить, что здесь нет твоей вины?! – закричала я, разъярясь пуще прежнего.

– Не вижу здесь своей вины. Извини.

– Как это ты не видишь своей вины? Я же не удочеренная! Пятьдесят процентов тут твоих генов, – орала я. – С каким Франкенштейном у тебя был роман?

– Твой отец был очень интересным мужчиной.

– Приходится верить тебе на слово, так как я в глаза не видела своего папочку, – ехидно заметила я.

– Так получилось. Я не собираюсь перед тобой отчитываться!

Мать ни на шутку разозлилась, и это ее не украшало: глаза стали стеклянными, а голос вульгарным. Мне было приятно видеть это. Всегда приятно видеть, когда красивые лица так уродуются.

– Ты меня лишила многого! Я не знала отцовской любви, да и материнской тоже!

– Из-за тебя я никогда не знала, что значит испытать гордость за своего ребенка. Ты была моим стыдом!

– Почему ты не сделала аборт? – не унималась я. – С твоей стороны это было бы благородно!

– Я тебе дала жизнь!

– На хера мне такая жизнь?! – прошипела я.

– Ты вся пропитана ненавистью и упиваешься ею! Как ты не понимаешь, что это угнетает и мучает тебя, делая еще уродливее?

– Да! Я вся угнетена и измучена! Ты не знала этого? Чего еще можно ждать от такой, как я? – кричала я. – От юродивой!

– Тебе нравится жалеть себя и плакаться: «Я вся такая несчастная, юродивая», вместо того, чтобы предпринять что-нибудь.

– Заботиться обо мне нужно было раньше, а ты всю жизнь заботилась только о себе. Каждый лишний килограмм для тебя был большей трагедией, чем все мои ангины и пневмонии. Хорошие матери пекутся не только о своей красоте, но и о дочерях.

– А хорошие дочери берут пример с матерей. Если б ты хотела, то могла бы многому научиться у меня.

– Наверное, ты права, как всегда.

Я вдруг почувствовала сильную усталость. Мне надоел весь этот тупой, никому не нужный разговор. Захотелось побыстрее вернуться домой в свое одиночество:

– Я пойду. Мне пора.

– Иди, и с таким настроением ко мне больше не приходи! – мать встала и направилась к двери. – Удачи, дорогая!

Она взяла себя в руки и даже улыбнулась перед тем, как закрыть за мной дверь.

Нелегко снести обиду от чужих людей, но от матери, от матери – это двойная обида. Я бежала домой, кусая губы, и слезы застилали мне глаза. Никогда я больше не обращусь к ней ни с одним вопросом! Пора забыть о том, что у меня есть мать!

Во дворе был слышен рев – девочка лет пяти с разодранной коленкой голосила на всю улицу. Рядом на корточки присела ее мать и целовала заплаканные щечки дочери. Белоснежным носовым платком она вытирала окровавленную коленку и, мурлыча что-то нежное, успокаивала дочь. От этой картины мне стало трудно дышать, и непроизвольно потекли слезы.

Я взлетела на свой этаж и лишь у двери дала волю чувствам. Открывая многочисленные замки, я беззвучно рыдала.

Рыдала о том, что никто никогда не приласкал меня, не сказал мне ни одного нежного слова, да уже никогда и не скажет.

Меня охватила неистовая жажда разрушения, я словно взбесилась. В гневе я выкрикивала самые грязные ругательства, била себя по ненавистной мне пасти, по мерзкому телу. До боли впивалась зубами в руку, но и этого мне было мало. Я исцарапала все тело, металась и стонала так, что соседи застучали по батарее. От стука я очнулась и, обессиленная, упала на диван.

Лежала охрипшая, опустошенная, чувствуя себя так, словно из меня вынули душу.

Лишь ходики на стене монотонно отмечали секунды моей никчемной жизни...

* * *

Оленька все утро кокетничала с Денисом, я же скрипела зубами, захлебываясь от ненависти. Ее голос и хлопанье ресниц раздражали меня, я никак не могла сосредоточиться на работе.

Оленька погладила руку Дениса, и его лицо поглупело от счастья. Все в ней, похоже, возбуждало его: и полуоткрытый рот, и высокая грудь, обтянутая блузкой, и каждый пальчик.

Денис не отрываясь смотрел на Оленьку, а остальное – офис, мы, компьютерная программа – для него куда-то исчезло. Она тихо лепетала слова, в которых слышалось обещание.

Я чуть не заныла от досады – как бы мне хотелось, чтобы он глупел рядом со мной.

С трудом оторвавшись от Оленьки, он подошел к Павловне. Та, сославшись на талончик к доктору, ушла. Денис повернулся ко мне, я кивнула головой в знак согласия.

Он ответил на все вопросы, с редким терпением относясь к моим ошибкам. А мне хотелось одного, чтобы он никуда не уходил – так хорошо было с ним рядом.

С Денисом я впервые узнала, что такое нормальные человеческие отношения. Все подавленные чувства, что спали во мне, проснулись. Моя любовь, распространялась даже на его вещи, на его компьютерную программу, так, что и работа с ней наполняла меня счастьем.

Сейчас он мой, точнее, он со мной на полчаса. Но эти полчаса я буду слушать его голос, дышать одним с ним воздухом и, если чуть подвинусь, смогу почувствовать тепло его тела.

Приблизившись, я ощутила его бедро, но он вздрогнул и шарахнулся, словно от укуса гадюки. Я смутилась, сделав вид, что это произошло случайно.

Я не злилась на Дениса за то, что он не мог полюбить меня, а ненавидела Оленьку за то, что он желал ее.

Никогда трагедия моей жизни не обнажалась с такой силой. Никогда так отчетливо не ощущала я, как тяжело нести свой крест, мне – чахнувшей без любви и понимания.

Денис ушел. Тут все вскочили и заторопились на перекур.

Подойдя к двери, я услышала голос Наташи. Голос у нее звонкий, визгливый, что совершенно не соответствует ее сутулой высокой фигуре:

– Вы не заметили, как она тупит?

Похоже, это про меня. Я вся обратилась в слух.

– То она такая умница, не делающая ни одной ошибки, а то... – мерзко захихикала Наташа, – а то Денис ей должен объяснять дольше всех.

У меня пол ушел из-под ног. Нужно быть осторожнее, если даже такая тупица, как Наташа, заметила это.

Наташа была не из тех людей, кого принимаешь всерьез, но сейчас мне захотелось придушить ее, что я легко бы и сделала.

Ведь я уродлива во всем, и чувства у меня такие же страшные, как и тело. Невозможно быть страшной снаружи и прекрасной внутри – такое только в сказках.

Посмотрев на себя в витрине магазина, я ужаснулась. Вот, что я увидела – толстое, с унылым страшным лицом чучело, одетое в бесформенное платье с обвисшим подолом. И это чучело еще обижено на весь свет. На себя – за свое уродство; на мать – за то, что та ее такой родила; на Дениса – за то, что он влюблен в эту смазливую дурочку.

Тут я впервые заплакала от жалости к себе, повернувшись спиной к прохожим. Красавица на рекламе, припудривая носик, лукаво улыбалась мне. Я вытерла глаза и принялась разглядывать товары за стеклом, о назначении которых даже не догадывалась. Ноги сами поволокли меня в магазин.

Перед входом я вдруг затормозила: что могут подумать окружающие, увидев такое чучело, разглядывающее косметику? И все же желание было сильнее комплексов.

Открыв дверь, я вошла.

Внутри пахло духами и пудрой, сверкали зеркала. Красивые нарядные продавщицы расхваливали товар. Не успела я оглянуться, как одна подскочила ко мне.

– Чем могу помочь? – спросила она звонким голосом, улыбаясь милыми ямочками на щечках.

Увидев меня, ее ямочки на мгновение исчезли, но она быстро взяла себя в руки и продолжила:

– Вас что-то конкретно интересует? Я отвечу на любые ваши вопросы.

– Лучше зайду завтра, – засмутившись, я сделала шаг в сторону выхода.

– Зачем же завтра? Это не займет много времени. Скажите мне ваши пожелания, и я постараюсь вам помочь!

– Можно... чем-то замазать эти рубцы? – спросила я и провела рукой по оспинам.

– Конечно! Тональный крем со светоотражающими частичками выравнивает все неровности и создает эффект атласной кожи. Желаете посмотреть?

– Да, конечно.

– Пройдите сюда, пожалуйста!

Как завороченная, я двинулась за ней. В руках у нее оказалась симпатичная баночка с золотой крышечкой.

– Я наложу этот крем, и вы убедитесь, насколько он преобразит вас! – сказала она и принялась аккуратно наносить крем на лицо. – Ну вот, совсем другое дело! Посмотрите – потрясающий эффект!

Она развернула меня к зеркалу. Особых изменений я не заметила, но промолчала. Моментаً уловив мое настроение, продавщица схватила другой предмет с прилавка:

– Корректор от Диора, – она поднесла его к моему лицу. – Он просто великолепен! Корректор не только убирает дефекты кожи, но и увлажняет ее. Это волшебный инструмент! Будто специально для вас!

Она была профессионал – все у нее было изумительно и волшебным, и так хотелось ей верить!

Четкими движениями она подкорректировала оспины на моих щеках. Щелкнув пальцами, с восторгом произнесла:

– Вуаля! Кожа на глазах выравнивается! Будто ничего и не было!

Я приблизилась к зеркалу – кожа выглядела лучше, но до идеала было еще далеко. Заметив это, продавщица улыбнулась:

– Корректор просто прелесть! И всего-то... – пожав плечами, она назвала цену.

Прелесть стоила сумасшедших денег!

– С помощью блеска губы можно сделать более привлекательными. Я замычала в ответ, так как на губы уже накладывался блеск.

– С помощью этого блеска губы становятся пухлыми и сексуальными.

В магазине стоял приглушенный гул голосов. Продавщицы мило одурманивали покупательниц, а те, открыв рот, верили, что именно эти помада или тушь превратят их в рекламных красавиц, и покупали даже то, что им не требовалось.

Я была до такой степени смущена, что не понимала самых простых вопросов, которые она задавала. Чувствуя себя потерянной и совсем никчемной, по сравнению с этой холеной продавщицей, я соглашалась на все. Вдобавок ко всему, она всучила мне ночной крем и серум, а потом перебрала к кассе. Первый раз в жизни я заплатила такую крупную сумму за себя.

Я слегка замазала оспины корректором, не притрагиваясь больше ни к чему. Ведь если в офисе заметят – насмешек не оберешься. Этим дурам только дай повод.

Шеф зашел с утра и устроил всем разнос.

– С женой, наверное, поругался? Или климакс у него? – пошутила Наташа.

Никто ей не ответил. Настроение с утра было испорчено. Все сидели, уткнувшись в работу. Люблю такие дни, так как могу спокойно работать, а не слушать про их любовные похождения или остроты в мой адрес.

После обеда шеф исчез, и все свободно вздохнули. Оторвавшись от компьютеров, они достали сигареты.

– Сил моих больше нет! Это первая сегодня, – объявила Наташа, спускаясь с лестницы.

Я подошла к двери и прислушалась. Голос Инги:

– Когда она на меня смотрит – аж мурашки по телу. Это надо – какая жаба.

Опять про меня! Что я им сделала? Почему в любой ситуации все шишки на меня? Шеф построил их с утра – это моя вина. Дождь целый день – тоже моя вина. У кого-то прыщ вскочил – и тут без меня не обошлось. Как ребенок, получивший подзатыльник от отца, выходит на улицу и пинает щенка, чья вина только в том, что тот попался под горячую руку. Так и тут!

– Почему эта жирная мерзкая жаба должна сидеть напротив меня и целый день портить настроение своей рожей? Нужно сделать коллективное заявление шефу – пусть уберет ее по эстетическим причинам! – высказала свое мнение Оленька.

Капец! Я одна за всех пашу, и меня же убрать. Совсем девки свихнулись – кто работать-то будет?

Инга заявила:

– Ты права. Намордник надо на таких страшных надевать, а то с утра взглянешь и настроение на весь день испорчено.

– Намордника маловато будет, только скафандр мог бы полностью скрыть это уродство. Будь я такой страшилой, то покончила бы с собой. Как она может утром смотреть на себя в зеркало, вы никогда не задумывались? – голос Оленьки.

– Поэтому она и появляется утром озверевшая, – добавила Инга.

– И не только утром, – подтвердила Оленька. Голос Наташи:

– Вы не заметили того, что она сегодня прихорошилась?

Я даже похолодела. Неужели эта безмозглая оглобля заметила, что я подправила кожу корректором?

– Да-да, приглядитесь. Она сегодня напудрила свои рытвины. Для чего, вы думаете?

Я недооценивала эту дуреху. На будущее нужно быть аккуратней, ведь им только дай повод.

Вернувшись на свое место, я уткнулась в компьютер, ни на секунду не отрывая взгляд от монитора. Так и просидела до конца дня, с буддистским спокойствием погруженная в работу.

* * *

Выполнив свою работу, Денис ушел из нашего офиса, и я задохнулась от тоски.

Каждое утро, просыпаясь, я чувствовала боль отчаяния, мирясь с пустотой уходящих дней, тянущихся так уныло.

Одевалась, ходила на работу, в магазин, но все делала по инерции.

Часто, сидя с книгой в руке, мыслями я была далеко. Мне виделся Денис. Его образ преследовал меня повсюду, даже во сне.

Но любовь должна умереть, та любовь, что еще не успела родиться. Для такой уродины, как я, в его жизни не найдется места.

Будь я обыкновенной девушкой – пусть не красавицей, у меня был бы хоть какой-то шанс. Как часто люди не понимают своего счастья – у них может быть взаимная любовь, они могут планировать семью, детей.

В моей же ситуации думать о семье и детях – кошунство. Я могу лишь издали наблюдать за чужим счастьем.

Грациозной походкой – не легко подобрать слова, чтобы описать ее походку, – Оленька проскользнула на свое место. Достав зеркала, она стала скрупулезно изучать лицо.

– Хороша-а, – протянула Наташа.

– Нет предела совершенству, – ответила Оленька, придирчиво отыскивая воображаемые недостатки на своем идеальном личике.

– Какая у тебя кожа! Открой секрет, не таи, что ты для этого делаешь? – насели на нее сотрудницы.

– Лед, лед и лед. Утром и вечером я протираюсь льдом. Иногда я просто обкладываюсь льдом. У меня полная морозилка замороженных кубиков. Лед сохраняет красоту, не зря же Снежная Королева была такой красавицей, – хихикнула она.

Все офисные дуры замолкли, подсчитывая, на сколько хватит их морозилки, чтобы обложиться льдом.

Неожиданно зашел шеф. Все разбежались.

– Что за митинг? Почему не на рабочих местах? Это ты? – он грозно посмотрел на Оленьку.

– Я на своем месте и не могу отвечать за других, – заявила она, не стесняясь.

Всем досталось от шефа, но никто не в обиде – они узнали секрет красоты. Идиотки, если я даже погребу себя подо льдом, то ни на йоту не стану лучше!

Душа у этой красавицы тоже ледяная, и кубики льда у нее и в сердце, а не только в морозилке. Но этому никто не поверит! Когда у тебя такая ангельская внешность, то прощается многое, если не все. Мне же не прощается ничего, а с точностью наоборот, люди готовы обвинить меня даже в тех грехах, которые я и не смогла бы совершить.

– Внешность – самое главное, – изрекает Оленька и смотрит на меня.

Не реагирую. Уж я-то знаю, насколько внешность важна. Остальные кивают с таким видом, словно Оленька открыла нечто неслыханное. Эти дуры сотворили из нее идола и рады поклоняться.

Они-то ладно – на то они и дуры. Как такой незаурядный парень мог потерять голову из-за смазливой пустышки?

А чего бы ты хотела, чтобы Денис потерял голову из-за тебя? Не лукавь хоть сама с собой! Оленька красива, не то слово, а его, как и других, тянет к изысканному личику и стройному телу.

Я безобразна, но в тысячу раз лучше ее, ведь я могу любить и быть верной. Денис не видит этого, он просто – как все.

* * *

Ровно в полшестого всех как ветром сдуло. Не спеша я навела порядок на столе, выключила компьютер и хотела подойти к зеркалу пригладить волосы, но не стала. Что бы это изменило?

Проходя через вахту, я кивнула головой Паше-вахтеру.

Паша – горбун. Говорят, его мамка в детстве уронила. Он меня выделяет из всех, каждый раз улыбаясь кривой улыбкой, так как левая половина лица у него не слабо перекошена. Он, наверное, считает, что из нас бы получилась прекрасная пара – оба уродливы до безобразия, ушлепки, отбросы общества.

Чем мне не муж? Еще и пострашней меня. Рядом с ним я чувствовала бы себя, если и не красавицей, то, во всяком случае, нормальной. Так нет же, мне подавай Дениса, который не отвечает мне взаимностью, да никогда и не ответит.

«Глупец! – могу воскликнуть я. – Неспособный увидеть мою возвышенную душу, не сумевший разглядеть благородного сердца за моим уродством! Эта пористая кожа и ужасный рот лишь внешняя оболочка, а под ней я вся трепещу от любви. Такой любви нет ни у одной красавицы, они ведь не умеют любить потому, что обожают только себя!»

И чем я лучше Дениса? Может, у Паши-горбуна тоже возвышено-чистая душа, и под страшной оболочкой он полон нежности? Мне же не нужны эти нежность и любовь вместе с его уродством, мне подавай Дениса, от которого все несущики в офисе без ума.

Я вернулась домой – в пространство стен, скупо обставленное мебелью, не способное заполнить пустоту одиночества. Моя попытка скрыться за сувальдными замками – это стрем-

ление убежать от себя, а страх остаться наедине с собственными мыслями заставляет включать телевизор на полную громкость.

* * *

Работая с корреспонденцией, я не могла сосредоточиться. Шеф с Павловной отсутствовали, и в офисе царил настоящий хаос. Кроме меня никто и не притрагивался к работе – у сотрудниц были дела поважнее. Бегали на лестницу курить, пили кофе с бисквитами, ни на секунду не закрывая рта:

– На твоём месте я бы захомутила Дениса. Наташа высказала свое мнение.

– Зачем? – удивилась Оленька. – Он уже прочитанная книга. Влюблен в меня, как теле-нок. Я играю с Денисом в любовь, но влюбляться – нет!

Оленька сделала зачеркивающий жест изящной ручкой и залилась своим заразительным смехом. Наташа, соглашаясь с ней, захихикала мерзко и пискляво. Смех этой дылды отвратителен, как и ее зубы – длинные, с желтизной:

– Везет тебе! Когда же я влюбляюсь, то не могу контролировать себя.

– Если ты в состоянии рассуждать разумно – это уже не любовь, – сообщила Инга.

– Что же по-твоему любовь? Безрассудно кидаться в омут с головой? – удивилась Оленька. – Я не такая. Ведь любовь всегда уходит, а что дальше?

– Что? – уставилась на нее Наташа.

– Положение в обществе, материальные блага. А какие материальные блага могут быть с компьютерщиком? – пожала плечами Оленька.

– Ты права, мать! Я думала так же, когда выходила замуж за своего пупсика, – согласилась Инга. – Живем, не бедуем, но у меня такая жажда приключений! Время от времени я отрываюсь по полной, но на стороне. Этим компенсирую то, чего с мужем не получаю. Так всегда и бывает, когда выходишь замуж за материальные блага и положение в обществе.

– Не обязательно! – перебила ее Оленька. – Просто твой пупсик уж совсем ни на что не годен!

– С чего ты взяла, что он ни на что не годен? – обиделась Инга.

– Сразу видно, – пояснила Оленька. – Я не слепая.

– Ничего не видно! – вспыхнула Инга. – Много ты понимаешь в мужчинах.

– Куда уж мне! – зло ответила Оленька. – Будь честна хоть с собой: сама же призналась, что наставляешь рога благоверному.

Ату ее! Подеритесь еще! А то в последнее время скучновато у нас в офисе.

Инга и Оленька надувшись, отвернулись друг от друга.

– А у меня вечно такая засада: я влюбляюсь, а в меня нет, – пожаловалась Наташа, чем разрядила обстановку.

Все сразу же переключились на нее.

– Какие твои годы! – успокоила ее Инга.

– Не верю, что с годами красоты у меня прибавится, а мужчины любят только за это.

– Ты права, Наталья, мужчины такие примитивные, – подтвердила Инга.

– Не говори, подруга! Я ко всем с душой, а меня только отпихивают. Уж не такая я страшилась, как некоторые, – заметила Наташа.

Кивая в знак согласия, все уставились на меня. Я не шелохнулась.

– Клеопатра не была красавицей, а мужчины сходили по ней с ума, – заметила Инга.

– Не обязательно быть красавицей. Можно себя сделать, – со знанием дела сообщила Оленька.

Наташино лицо вытянулось от удивления и стало похоже на лошадиное.

– Как? – с надеждой в голосе спросила она.

– Лишь безмозглые дуры не могут привести себя в порядок, – Оленька была категорична. Все снова уставились на меня. Они что, решили сегодня испытать на прочность мои нервы? Я даже не моргнула.

Наташа дернула за рукав Оленьку:

– Что дальше?

Ей не терпелось узнать: как, не будучи красавицей, завоевывать мужские сердца?

– Красота – это в первую очередь обаяние. Понимаешь? – снисходительно продолжала Оленька. – Конечно, если ты целый день сидишь набыченная...

Тут три курицы опять повернулись в мою сторону. Все! Еще секунда, и я встану со своего места и затопчу этих глупых несущек.

Каким-то шестым чувством они почуяли мое настроение и, молча взяв сигареты, вышли на лестницу.

Сегодня не хотелось подслушивать – так я от них устала. Ничего нового не услышу: будут обсуждать мои рытвины и кривые ноги.

Вернулись они притихшие и принялись шептаться. Оленьке непременно хотелось посвятить всех в подробности ее романа с Денисом. Из рассказа я узнала, что они встречаются уже не первую неделю, и ей все приелось. Пора бы и честь знать! Рассказывая, как он страдает из-за нее, она весело смеялась.

Вот дрянь! Ей наплевать на него! Она лишь тешит свое самолюбие – ничего больше. Ненависть к ней захлестнула меня с такой силой, что я чуть не зарычала, а карандаш в руке хрустнул. Все удивлено оглянулись. Я лишь подняла глаза на Оленьку, как та сразу побледнела, схватив свой бронхолитик. Попрыскав себе в горло, она уставилась на монитор. Все затихли.

Внутри меня бушевал тайфун. Если бы она любила его, хотела быть ему женой, я бы ей все простила. Ведь счастье Дениса для меня дороже. А эта стерва лишь играет с человеком и, не задумываясь, причиняет ему боль.

* * *

Оленька пришла бледная и без косметики, объяснив это тем, что чувствует себя неважно. Сегодня, на удивление, было тихо. После обеда они вышли на лестницу, я, как обычно, стала подслушивать.

– Даже курить не могу, – пожаловалась Оленька. – Опять астма разыгралась. Мне так плохо.

– Бедняжка! Не нужно было выходить на работу, – посочувствовала Инга.

– Сегодня приснился такой кошмар, вы себе представить не можете, – дрожащим голосом продолжала Оленька. – Слушайте: сижу я перед компьютером, и вдруг на экране появляется эта ужасная. Жесть!

Это обо мне. Я тебе снюсь, красавица? Приятно слышать.

– На самом деле кошмар, – подтвердила Инга.

– Свят, свят, свят... – запричитала оглобля.

– Слушайте дальше! – прикрикнула на них Оленька. – На столе у меня лежит мой бронхолитик. Я отвлеклась и закрыла на секунду глаза. Когда же их открыла, то увидела, что на меня с монитора смотрит эта страшила.

Тут послышались вздохи, ахи. Вот дуры! Что там дальше?

– При виде ее мне сдавило горло, и начался приступ. Представляете, даже во сне чувствовала эти спазмы. Я знаю, что мне нужно прыснуть. Тянусь к аэрозолю, – задыхаясь, рассказывала она. – Тут самое страшное. Вдруг ее мерзкая рука с бородавками высовывается из монитора и забирает мой ингалятор. Я не могу дышать, а она свою обезьянью морду кривит в улыбке. Вот так.

Она что-то там изобразила. Кто-то хихикнул.

– Я даже чувствовала во сне предсмертные судороги. Хочу вырваться, убежать, но не могу. Ее взгляд пригвоздил меня к стулу... Мне не встать. И тут я проснулась, вся в поту.

Воцарилось молчание. Я тихо высовываю руку и нажимаю выключатель. На пожарной лестнице вырубается свет. Бегом к окну, открываю его и – страшный хлопок дверью. Бамц-ц! Раздирающие душу вопли раздаются по всему зданию. Закрываю окно, бегу на свое место.

Не успела сесть, как появился разъяренный шеф. Оглядывается – столы пусты, кроме меня – никого.

Послышался топот на лестнице. Открывается дверь, и эти курицы замирают при виде шефа:

– Вы с ума посходили? Я знал о том, что вы курите на лестнице, но закрывал на это глаза. Вы же носитесь, как стадо бизонов, орете. Что за дикие игры?

Все стояли молча, опутив глаза. Не дождавшись ответа, он продолжил:

– Вы что за гонки устроили? Чем вы там обкурились?

– Это простые сигареты, – Наташа показала пачку.

– Я тоже курю. Но не бегаю и не ору, как вождь апачей?

– Там свет потух, – пролепетала Инга.

– Я вам не только свет переключу! Я вас всех! – брызгая слюной, заорал шеф. – Пожарная лестница – на случай пожара, а не для курения. Вы читали инструкцию хоть раз?

Тут он подскочил к стене и сорвал листок.

– Для вас же написано! – вопил он. – Вы понимаете, если случится пожар, меня оштрафуют. Из-за вас у меня одни убытки, не работаете ни черта, а тут еще...

Он подошел и стал совать им инструкцию. Все молчали, но тут Оленька рванулась к своему столу и схватила ингалятор. Лицо ее посерело. Она спешно приснула лекарство себе в рот.

– У нее астма, а она курит, – заявил шеф, показывая на нее пальцем. – Жить надоело? Завтра эта дверь будет закрыта – никаких перекуров! Быстро за работу! Не то уволю всех к чертям! Мать вашу!

Шеф, не переставая ворчать, ушел. Все молча уселись на свои места и принялись за работу.

– Мне плохо, – тяжело дыша, шепнула Оленька.

– Немного осталось. Скоро конец рабочего дня, – успокоила ее Инга.

Я же ликовала в душе – так напугать этих куриц, что до сих пор они трясут своими хвостами от страха.

* * *

Оленька не пришла сегодня на работу – у нее обострилась астма.

– Бедняжка! – вздохнула Инга. – Не мудрено слечь после вчерашнего. До сих пор не понимаю, как такое могло случиться?

Тут она впервые посмотрела на меня, как на нечто одушевленное, до этого момента она не видела никакой разницы между мной и мусорной корзиной. Я не шелохнулась. Ты можешь подозревать меня в чем угодно, моя прелесть, мне это безразлично.

Полшестого. Все повскакивали с мест и, со смехом, стали натягивать плащи и перчатки.

Тут открылась дверь, и вошел Денис. Не увидев Оленьки, он вопросительно поднял брови. Инга отвела его в сторону и рассказала, что произошло вчера, и как это повлияло на Оленьку. Денис слушал Ингу с потерянным видом, оглядываясь на Оленькино место.

Смертельная зависть и ревность захлестнули меня.

Никогда не думала, что эти чувства могут быть столь сильными. Разъедая мое существо, они обнажили худшие черты, о которых я и не подозревала. Похоже, я способна смести все барьеры нравственности, вплоть до преступления.

Словно иду по лезвию бритвы: с одной стороны – моя безумная страсть, с другой – изматывающая душу ревность. Мне порой начинает казаться, что убийство не столько преступление, сколько избавление от изнуряющих мук.

Ревность – такая чума, она выжигает и опустошает душу, ей недоступна логика разума. Трудно рассуждать, когда лава ревности кипит в крови, и тогда обезумевший человек становится способен на непоправимое.

Если ревность накрыла тебя, то невозможно противостоять той лавине...

Утром шеф зашел к нам и кричал, как резаный. Отчеты опять не сходятся, а тут еще Оленьки нет. Бросил бумаги на ее стол и ушел.

– Совсем рехнулся, – прокомментировала Инга. – У меня даже руки трясутся, старый баран!

– Что за бумаги он кинул? – спросила Наташа.

– Те, что нужно переделать, – пожалала плечами Инга. – Я так полагаю.

– Не скоро же он их дождет, – хихикнула Наташа. – В прошлый раз она аж две недели болела.

– Так ему и надо! Пойдем, перекур сделаем. Мне нервы нужно успокоить, – вставая, сказала Инга.

Пока они дымили, я живо сняла копии с этих бумаг. Никто ничего не заметил, и до конца рабочего дня я была в прекрасном настроении, разве что не напевала.

После работы я направилась к Оленьке, натянув шапку и подняв воротник, благо весь день с неба сыпалась всякая дрянь.

Во дворе никого не было, да если б кто и вышел, то от этой пурги глаз невозможно разлепить. Проскочив в подъезд, я поднялась на третий этаж. Позвонила в дверь и прислушалась. Через минуту щелкнул замок, и дверь немного приоткрылась.

– Ты? – спросила ошалевшая Оленька.

Дверь была закрыта на цепочку, и она смотрела на меня в щелку. Я должна вести себя как можно осторожнее.

– Да. Сегодня шеф был в гневе. Вот бумаги, – как можно спокойнее ответила я, открывая сумку.

– Что за бумаги? – ничего не понимала Оленька.

Ковыряясь в сумке, я не снимала мокрых перчаток. Руки скользили, и замок не открывался. Заметив это, Оленька сняла цепочку и пропустила меня в квартиру.

– Я собиралась в ванную, но ладно, – махнула она рукой. – Сейчас выключу воду.

И правда – халатик у нее накинут на голое тело.

– Хочешь кофе? – крикнула она из ванной.

– С удовольствием, – ответила я. – Страшно замерзла.

– Так рада, что мне не нужно никуда выходить. Жуткая погода, – передернув плечиками, сказала она.

Я уселась в кресло, обитое темно-розовым велюром, и осмотрелась. Обстановка в квартире многое может рассказать о характере хозяина, об укладе его жизни, вкусах и пристрастиях. В отношении Оленьки – это сухая правда.

Квартира была обставлена кокетливо, преобладали розовые тона: шторы с оборочками, светло-розовый ковер, перламутровые люстра и торшер. Напротив сидел белый персидский кот и глядел на меня, не отрываясь, своими янтарными глазами. Я протянула к нему руку, но он фыркнул и спрыгнул на пол.

Появилась Оленька и поставила передо мной белый подносик: на нем – сливки в графинчике, щипчики в сахарнице, изящная чашечка и конфеты в вазочке. Вещи изысканные, кокетливые, как и все в этом доме. Я терпеть не могу ничего красивого, вид безделушек разозлил меня. С трудом заставила себя сказать:

– Спасибо.

– Что новенького в офисе?

Я не знала, что ответить? Ведь то, что интересует меня, совершенно не занимает Оленьку, и наоборот.

Я подняла взгляд – она сидела напротив меня, закинув ногу на ногу. От ее красоты было не оторваться, и волна ненависти снова захлестнула меня.

– Как всегда, – пожала плечами я.

Что делать дальше? Как развлекать такое чудовище как я? Она не имела представления.

– Скучновато было без тебя, – сказала я. – Это не только мое мнение.

Вот такие фразочки ей нравятся! Щечки тут же зарделись, и она улыбнулась мне своими ямочками:

– Хочешь еще конфет?

Оленька сразу подобрела ко мне – как та лисичка из басни, что заслушалась вороньей лести. Принесла полную вазочку конфет. Секунду постояла перед вазочкой в нерешительности – взять не взять, и не взяла.

– Любишь сладкое? – спросила она меня, после того, как я без раздумий положила самую крупную конфету в рот.

– Угу.

– Везет, – вздохнула она. – Тебе не нужно следить за фигурой.

Ее глаза скользнули по мне презрительно и насмешливо. Ненависть так сдавила мне горло, что стало трудно дышать.

Как всегда она дерзка и самоуверенна, чувствует себя хозяйкой положения. Чего я тяну? Скорее покончить со всем, стереть с нее пыльцу.

– Приходится во всем себе отказывать, – пожаловалась она.

– Зачем?

– Слежу за фигурой, – пояснила она. – Так приятно быть красивой.

– Почему? Объясни, – наседала я.

– По многим причинам, даже не знаю как объяснить, – задумавшись, ответила она. – Трудно описать слепому радуго.

Оленька привыкла говорить обо мне все, что придет на ум. И сейчас она ляпнула, не подумавши. Но я этого ждала и желала. Кровь хлынула мне в голову, я вцепилась в подлокотники.

Милая, я лучше тебя знаю, что такое красота, так как и мечтать об этом не могу!

Вдруг послышался писк. Оленька схватила трубку.

– Хорошо, что ты мне позвонил, да, да, – своим нежным голоском ворковала она. – Не знаю, в такую жуткую погоду мне лучше дома...

Да, тоскливо, да, Денис, я тоже.

От одного имени у меня зашло сердце. Оленька разговаривала с Денисом! Так спокойно! Лениво кокетничает, разве что не зевает.

– Денис звонил, – бесцветным голосом сообщила она. – У тебя есть парень?

– Нет.

Она что, смеется надо мной?

Оленька прошла по мне взглядом, изящно выгнув бровку, словно удивляясь моему уродству. На мне сегодня фиолетовое платье, и этот цвет особенно грубо подчеркивал мой мерзкий цвет лица.

– Тебе бы хотелось иметь парня? – усмехаясь, спросила она.

Легко красавице унижать, надменно намекая об уродстве. Ты бросаешь мне вызов, милая? Твой выбор! Но ты забыла, что боль и унижение вызывают желание мстить.

На столике лежал баллончик с бронхолитиком. Мне сразу припомнился сон Оленьки. Был ли он вещим? Ведь от меня всего можно ожидать. Для чего-то я пришла сюда.

Придвинувшись, я незаметно положила его себе в карман. В тот момент Оленька разглядывала свои ноготки.

– Не думала об этом, – ответила я.

– Ты никогда не влюблялась? – Оленька потянулась и зевнула.

Полы халатика распахнулись, выставив на обозрение ее наглую, похотливую красоту. Я сидела и смотрела на нее – хрупкую, капризную, с тонкими запястьями и лодыжками, ненавидя больше смерти.

– Нет, – солгала я.

– И правильно. Я не знаю теперь, как от Дениса избавиться, – вздохнула Оленька. – С радостью бы, но как? Он мне прохода не дает. Тебе хорошо – таких проблем нет.

При мысли, что еще недавно они вместе лежали в постели, и, выгибаясь, она стонала от наслаждения под ним, у меня помутилось в голове. Неужели она и дальше будет жить, как ни в чем не бывало? Сводить с ума, разрушать чужие судьбы? В течении последних недель я только и делала, что проклинала Оленьку, решив, что не успокоюсь до тех пор, пока не прикончу гадюку.

– Тебе нравится Денис? Сознайся, – с хитрой улыбкой спросила Оленька.

С садистским удовольствием она смакует этот разговор и мою растерянность. Не думала, что однажды удастся кому-то выбить почву у меня из-под ног.

Я прошипела:

– Какой ты хочешь услышать ответ?

– Никакой, – испуганно прошептала Оленька. – Не нужно отвечать.

– Нет, ты врешь. Что ты хотела услышать, радость моя? – глядя ей в лицо, глухо спросила я. – Что молчишь?

– Извини, мне нужно в ванную, – тяжело дыша, прошептала Оленька. – Вода еще не остыла.

– Точно не остыла?

– Думаю, что нет, – она внимательно разглядывала стол.

– Прекрасно, – потирая руки, сказала я.

Я видела, что она начинает задыхаться и ищет свое лекарство:

– Потеряла что-то?

– Да. Ингалятор. Когда я нервничаю, то у меня начинаются спазмы.

– Нужно прыснуть, а то как бы чего не случилось, – на последних словах понизив голос, согласилась я.

Оленька, вздрогнув всем телом, прошептала:

– Он был здесь, а другой закончился...

– Этот был единственный? – спросила я, и в моем голосе явно прозвучали радостные нотки.

Она кивнула, не понимая моей радости.

– Не ищи, счастье мое, он у меня, – сообщила я. В ее глазах застыл безумный страх. Она поняла цель моего визита.

– Ты когда-нибудь задумывалась, красивенькая дрянь, хоть ты не из тех, кто напрягает мозги, если ты вообще их включаешь. Представь на секунду себя в моей шкуре. Жутко? Я же должна жить с этим. Мне и так тошно, а тут такие занозы, как вы – подкалывают, смеются.

Тебе не приходило в голову, что я тоже могу чувствовать, обижаться, страдать. Даже у такого урода есть чувства. Что подняла бровки? Удивила тебя? Ты-то принимала меня за пугало в огороде, не так ли? А оно взяло да заговорило.

– Неправда! Я не хотела никого обижать, – заикаясь, прошептала Оленька.

– Не хотела, но обидела, как всегда. Я старалась пропускать ваши выпады мимо ушей, но знаешь, как трудно сохранять спокойствие, когда удавить готова, – я придвинулась к ней. – От сплетен ваших выворачивало. Слушать вас, что наступать в кучу дерьма.

Меня как понесло. Я говорила, не останавливаясь, выплескивая все, что копилось годами. Если долго молчать, то слова и мысли зарываются глубоко внутрь, и высвободить их оттуда подчас невозможно. И я, молчавшая всю жизнь, сейчас наслаждалась каждым своим словом:

– Сознаюсь тебе, ведь ты все равно уже никому ничего не расскажешь, моя тайна умрет с тобой.

Оленька поняла: я здесь для того, чтобы прихлопнуть ее. Она глядела на меня с беспомощным ужасом, искривленное судорогой лицо посерело. Насладившись ее страхом, я продолжала добивать:

– Я люблю Дениса, зная, что он для меня недостижим. Люблю по-настоящему, не как вы, мелкие душонки. Моя любовь навсегда останется чистой и незапятнанной, ведь мы никогда не окажемся в одной постели. Это вы, потаскушки, барахтаетесь под каждым, а я девственна, такой и останусь до смерти. Сознаюсь, что мне грустно, ведь мне не почувствовать тяжесть его тела и вкус поцелуев. Тут нет ничьей вины. Он мужчина, а значит – слеп. Он видит лишь внешнюю красоту: ни ум, ни душа не ценятся без смазливой мордашки. Что ты дернулась? Сомневаешься в том, что у меня есть душа?

Оленька смотрела на меня широко раскрытыми глазами, не веря в реальность происходящего. Лицо исказила гримаса, темные круги очертили глаза, вены на висках вздулись.

Вы спросите меня, что чувствует убийца перед тем, как совершить преступление? А ничего. Я думала, что буду нервничать, испытывать страх, сходить с ума, – ничего подобного. Лишь ненависть и желание почувствовать холод мертвого тела. Оленька в моих руках совершенно беспомощная, и я могу сделать с ней все, что захочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.